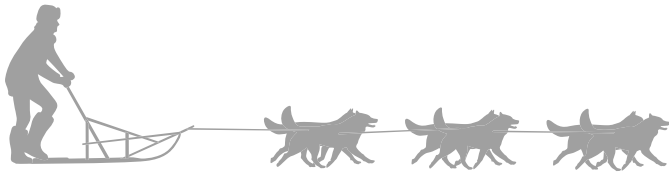

*Посвящается каждому,
кто полюбил Каллу и Джону.*

Глава 1

Декабрь

— Она снова там?

— Да, где-то там. Это свежие следы.

Маму-лосиху в последние несколько месяцев здесь крайне редко можно было увидеть. Полагаю, из-за кое-какого волкопса, который прочно обосновался на нашем участке. Однако в последнее время она снова начала приходить сюда. Каждое утро на этой неделе я наблюдала, как лосиха обгладывает подмерзшие ветки деревьев, не замечая моего присутствия в эркере, или, скорее, не обращая на него внимания. Мне даже удалось сделать несколько снимков, чтобы пополнить свой инстаграм-аккаунт об Аляске.

Я потягиваю свой латте, наслаждаясь теплом, которое разливается по телу, пока любуюсь бескрайними морозными просторами. Уже четвертую ночь подряд ложится свежий слой снега, укутывая белым покрывалом наше маленькое жилище, располо-

К.А. Такер

женное неподалеку от крошечного городка Трапперс Кроссинг.

— Наверное, я спугнул ее трактором.

Джона наклоняется к моей шее, чтобы прижаться к ней утренним поцелуем, и его борода щекочет мне кожу.

Я улавливаю аромат древесного мыла и глубоко вдыхаю его. За несколько недель, предшествующих напряженному сезону отпусков, эта часть дня стала для меня самой любимой. Минуты сладкого безмятежья перед шквалом повседневных дел, когда нет ничего, кроме потрескивания поленьев в камине и нескольких минут безраздельного внимания Джоны. Скоро мы оба выберемся из дома.

Я — на пробежки, а Джона — летать.

Закрываю глаза и наклоняю голову в сторону, чтобы ему было удобнее меня целовать.

— Ты рано встал сегодня.

— Прошлой ночью похолодало. Хотел убедиться, что все в порядке.

Джона ворочался всю ночь. Снова. Я знаю, что это связано не с низкой температурой, а с сегодняшним приездом его матери и отчима из Осло. И хотя он с нетерпением ждет встречи с Астрид, сказать то же самое о Бьерне нельзя.

— Все будет *хорошо*, — обещаю я в очередной раз, поднимая руку, чтобы провести ладонью по его щеке. Я киваю в сторону небольшого домика, выглядывающего из-за деревьев на противоположном бе-

регу нашего озера. — Они пробудут там несколько дней, отсыпаясь от двадцатичасового перелета. А когда придут в себя, уже прилетят мама и Саймон.

Я в приятном предвкушении нашей встречи. Почти год назад они привезли меня в аэропорт с билетом в один конец в мою новую жизнь на Аляске. Кажется, с тех пор прошла целая жизнь.

— В понедельник приедут Агнес и Мейбл. Людей будет много, и тебе не придется общаться с Бьерном.

— Знаешь, это не помешает ему обращаться с моей матерью, как с чертовой прислугой, — бормочет он.

Помимо длинного списка претензий Джоны к отчиму, включающего лень, постоянные жалобы и придирки, главной причиной его неприязни к Бьерну стали требования, которые тот предъявляет к Астрид, а именно: постоянная готовка, уборка и поддержание неукоснительного порядка в доме. Это второй брак Бьерна. С Астрид они поженились всего через три недели после его развода с первой женой. Так что, по мнению Джоны, отчим просто не способен жить один и не сможет самостоятельно управиться на кухне, даже если от этого будет зависеть его собственная жизнь.

И если Джона не солгал, я тоже не в восторге, что проведу две недели с этим шовинистическим старомодным ослом. Однако не собираюсь подпитывать беспокойство Джоны.

— Обещаю, Рождество пройдет идеально.

К.А. Такер

Насмешливое фырканье говорит о том, что он сильно в этом сомневается, но, как мне кажется, после моих слов Джона становится чуть менее напряженным.

— По крайней мере, я в предвкушении. Это первое Рождество в нашем доме. Ты только посмотри на него... Весь месяц я занималась изучением креативных рождественских идей, искала материалы и обжигала себе пальцы горячим клеем до поздней ночи. Дом готов к празднику по самому высшему разряду — начиная от ели в три с половиной метра, которую Джона срубил в лесу и притащил к нам, огромного камина из натурального камня, украшенного вечнозеленым венком и окруженного старинными светильниками, до гостеприимного уютного уголка для чтения, устроенного под лестницей, устланного подушками и одеялами из бизоньей шерсти.

Сельская хижина, в которую мы вошли в марте прошлого года, захламленная мертвыми животными, обшарпанной мебелью и остатками тридцатилетнего брака, уступила место уютному, шикарному бревенчатому домику, которым я заслуженно горжусь, и в котором мы впервые принимаем наши семьи. Даже Мюриэль заявила, что он похож на «одно из тех мест с завышенной стоимостью из журналов». Чтобы дом стал идеальным рождественским гнездышком, нужны лишь оригинальные украшения на камине. Пока что я разместила на подоконниках приготовленные чулки.

Дикая сердцем

Но куда важнее то, что в этот дом мне хочется возвращаться день за днем. А еще больше — к этому мужчине, обнимающему меня каждую ночь.

— Я же говорил, что люстра с рогами за три тысячи баксов идеально впишется в интерьер, — язвит Джона.

Взгляд, которым я его награждаю, вызывает у него бурный смех.

— Ты отлично потрудилась, Барби. — Он торопливо ворует мой поцелуй. — Ладно, мне пора. Слишком много всего нужно успеть, прежде чем отправлюсь в аэропорт. Рик, наверное, уже заждался.

Рик — это агент, который заплатил «Йети» кругленькую сумму за то, чтобы на протяжении всей недели его катали над застывшей Аляской, пока он ищет идеальные места для своих киносъемок.

И хотя я рада, что у Джона появилась стабильная работа благодаря нашей маленькой чартерной компании, каждый раз, когда он куда-то улетает, меня одолевает тоска.

— Ты ведь заполнил маршрутный лист, да?

— Он у тебя на столе.

— Вот и следуй ему. — Мой голос приобретает уже привычные предупреждающие нотки.

Несмотря на то, что Джона стал гораздо внимательнее относиться к вопросам соблюдения регламента и своевременных звонков, иногда он все же задерживается или забывает об этом.

— Да, босс.

К.А. Такер

Он крепко стискивает мою задницу и только потом направляется к входной двери.

— Это домогательства на рабочем месте! — кричу ему вслед.

Джона останавливается, чтобы лукаво улыбнуться мне через плечо.

— А как ты назовешь то, что делала со мной вчера в офисе?

— Твоей рождественской премией.

Его глубокий хриловатый смех согревает душу и сердце.

Оскар и Гас несутся к моему джипу, виляя хвостами и заливаясь возбужденным лаем. Оскар все еще заметно прихрамывает после того, как попал в медвежий капкан, но, похоже, рана не сильно его беспокоит. Они быстро добираются ко мне и приветственно обнюхивают варежки.

Я почесываю им головы.

— Где Рой, а? В магазине?

Вместо ответа от них вижу завитки темного дыма из трубы, и этого вполне достаточно. Если их шестидесятилетний хозяин не занят скотиной, то, скорее всего, он в мастерской — пилит, стучит молотком и шлифует дерево с ловкостью настоящего мастера.

Когда прохожу мимо, куры шумно кудахчут в своем теплом курятнике, и я вспоминаю, что в список про-

дуктов нужно добавить еще и яйца. Их почти не осталось, а куры Роя в последнее время мало несутся из-за длинных зимних ночей и холодных дней.

Распахиваю раздвижную дверь сарая и поспешно закрываю ее за собой, чтобы не выпустить тепло.

— Ты не говорила, что приедешь! — техасский говор Роя звучит весьма грозно. Мужчина торопливо накидывает на свое творение из дерева простыню, суетливо поправляя уголок, чтобы полностью накрыть его.

— А когда я это делала?

Он явно не хочет, чтобы я увидела его работу. И если бы я не знала Роя так хорошо, решила бы, что это рождественский подарок. Едва сдерживаю улыбку и вдыхаю знакомый запах — смесь древесных опилок и коз, пропитанная тягучим дымом от полыхающего в маленькой черной печке огня. Верчу в руках конверт.

— Пришел твой чек.

Он лежал в нашем почтовом ящике вместе с пачкой рождественских открыток — в основном от клиентов «Йети» — и посылкой от Дианы.

Рой недовольно хмурится, практически насупившись.

— Какой еще чек?

— Лиз продала осьминога несколько недель назад. Помнишь, я говорила тебе?

К.А. Такер

Речь идет о замысловатой деревянной фигурке — одной из многих, что за годы своей отшельнической жизни вырезал Рой. Мы отвозим эти изделия в художественный магазин в Анкоридже, где их продают. Недорого. Но владелица уже просит меня привезти что-нибудь еще.

Хмурый взгляд мужчины становится выразительнее, а стальные серые глаза перемещаются на полиэтиленовый пакет, болтающийся у меня в руках — в нем лишняя буханка бананового хлеба, который я испекла во время своего приступа безумного увлечения выпечкой.

— Точно.

— Женщина, которая купила его, хотела бы приобрести статуэтку дельфина. Еще спросила, не мог бы ты вырезать для нее такого. Наверное, она любит морских обитателей. Во всяком случае, даже готова внести половину стоимости авансом.

Ожидая от Роя привычного отказа и возгласа: «Я не выполняю заказы!» Но он лишь качает головой и произносит:

— Не могу помнить всего, что стоит у меня на полке. Может, дельфина уже и делал. Гляну.

Наступает моя очередь хмуриться.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Нормально. А что?

— Выглядишь... рассеянным.

Дикая сердцем

— Просто занят, — бурчит он, потирая лоб и глядя на свои испачканные руки, а затем на беспорядок вокруг, инструменты и пыль, словно ища что-то.

— Ладно, оставлю чек на столе. Собираюсь в город за продуктами. Может быть, тебе что-нибудь нужно? Могу купить.

— Нет, спасибо.

Рой крайне редко произносит это слово, и всегда как бы вскользь, будто ему приходится заставлять себя вспоминать о манерах. Сегодня с ним точно что-то не то.

Уже подхожу к двери, когда решаю попробовать еще раз.

— Ты точно не хочешь прийти на Рождество...

— Нет.

Уже не первый раз за последние несколько недель приглашаю Роя на рождественский ужин. Ответ всегда один и тот же, но меня это не останавливает.

— У нас полно места и еды. И *огромная* индейка. Я попросила Джону привезти птицу не больше восьми-девяти килограммов, а он взял и привез индейку на *одиннадцать*. А еще ты можешь посмотреть, каков твой стол в действии.

Этот стол — настоящее произведение искусства, соперничающее с огромным каменным камином от пола до потолка, который выступает центральной деталью нашей гостиной.

К.А. Такер

Рой копается в своем ящике с инструментами, но, судя по всему, не ищет ничего конкретного.

— Мне и здесь хорошо.

— *Одному?*

— Я не один. У меня тут козы, куры, псы. Они — всё, что мне нужно. — Рой делает небольшую паузу и бросает на меня испепеляющий взгляд. — По крайней мере, они не сядут мне на шею.

Убеждаюсь, что он прекрасно видит, как я закрываю глаза.

— Ну как хочешь.

— Не выпускай тепло из дома!

Со всей силы дергаю дверь сарая, надеюсь, что она захлопнется с громким грохотом, но эта дверь не предназначена для сцен и встает на место плавно и тихо. Топаю по ступенькам крыльца, задерживаясь только для того, чтобы достать из джипа миниатюрную рождественскую елку в горшке.

Были времена, когда Рой вообще никого не пускал в свои однокомнатные апартаменты. И хотя он по-прежнему охраняет свою территорию, уже не возражает, чтобы я беспрепятственно входила и оставляла ему еду или рассматривала деревянные статуэтки, стоящие на прекрасных книжных полках ручной работы.

Кладу буханку бананового хлеба у плиты и ставлю на чек тяжелую банку с тушеной говядиной, которую

Дикая сердцем

Рой приготовил для сегодняшнего ужина. По крайней мере, так я могу быть уверена, что он его не потеряет. Затем ищу идеальное место для елки. Старый сундук у окна, рядом с фотографией дочери и бывшей жены Роя, кажется мне наиболее подходящим вариантом. Вешаю нить белых мерцающих лампочек, включаю ее в розетку и отступаю назад, чтобы полюбоваться елкой. Вряд ли это место видело хоть какое-то праздничное веселье с тех пор, как Рой переехал сюда из Техаса тридцать три года назад.

Надеюсь, он ее не выбросит.

Внимание привлекает рождественская открытка, лежащая на кухонном столе рядом с небольшой стопкой нераспечатанных счетов. Мое любопытство по поводу того, кто мог отправить поздравление Злыдню, сразу же берет верх. Бросив быстрый взгляд в окно, чтобы убедиться, что Рой не собирается возвращаться, заглядываю внутрь.

Мое сердце замирает при виде витиеватой подписи внизу: «Делайла».

Отдалившаяся дочь прислала ему рождественскую открытку? В один из тех редких случаев, когда Рой вообще упоминал о своей семье, он сказал мне, что они не в ладах друг с другом. Неужели лгал? Как часто Делайла посылает ему рождественские открытки? Делает ли она это каждый год?

К.А. Такер

В разорванном почтовом конверте лежат фотография и записка. Сначала смотрю на фотографию: на ней изображена потрясающая блондинка лет тридцати, одетая в черные джинсы и белый вязаный свитер. Ее руки обнимают двух маленьких детей — мальчика и девочку, тоже одетых в одинаковые черные брюки и белые свитера. На всех троих — праздничные красные ковбойские шляпы, в которых они запечатлены на семейном празднике. Все выглядят просто образцом идеальной, счастливой семьи, несмотря на то, что я не чувствую себя обделенной любовью мужа или отца.

Еще раз взглянув на дверь сарая, разворачиваю написанную от руки записку.